

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА

В статье рассматриваются философские основания мировоззрения А.И. Герцена (1812–1870), крупнейшего русского мыслителя, писателя и деятеля освободительного движения. Пересматривается прежняя односторонняя оценка фигуры Герцена как типичного западника. В лице Герцена русское западничество сблизилось с некоторыми чертами славянофильства, а в своей философии истории мыслитель был сторонником алогизма исторических событий.

Ключевые слова: философия природы, философия истории, мировоззрение, славянофильство, западники, народничество.

В 2012 году исполняется 200 лет со дня рождения Александра Ивановича Герцена – крупнейшего русского мыслителя, писателя и деятеля освободительного движения, оказавшего огромное влияние на всю духовную историю России второй половины XIX века. В начале XXI столетия настало время переосмыслить творческое наследие А.И. Герцена, которое в некоторых аспектах продолжает оставаться необычайно актуальным. Следует пересмотреть устаревшие и тенденциозные оценки его творчества как типичного представителя западничества, в том числе и оценку его философских воззрений как сугубо материалистических. В прошедшие после предательского уничтожения СССР два десятилетия русское революционное движение XIX века изучалось мало, поэтому обращение к фигуре Герцена-философа можно рассматривать как первый шаг на пути переосмысления его обширного наследия.

«Кто мог пережить, тот должен иметь силы помнить» [2; 557]. Эти слова А.И. Герцен напишет в пятой части своих мемуаров «Былое и думы». Этому талантливому человеку всегда было присуще своеобразное «мужество памяти», к которому он призывал даже в те роковые для него годы, когда революционеру суждено было пережить, по выражению Ленина, «духовную драму» [6; 21, 256]. С 1848 по 1852 год Герцену пришлось многое переосмыслить в жизни, заново понять, прочувствовать. В своих воспоминаниях Герцен повествует о некоем Георге Гервеге, послужившем причиной ухода из семьи жены Александра Ивановича – Натальи Александровны. С нескрываемой иронией и презрением Герцен описал своего счастливого соперника – «поэта-лавреата демократии» [2; 735],

женившегося ради денег на мужеподобной дочери берлинского банкира и, разумеется, искавшего любую возможность поамурничать «на стороне». Гервег был автором поэтического сборника «Стихи живого человека» (*Gedichte eines Lebendigen*), сделавшего его глашатаем пробуждающейся к политической жизни немецкой буржуазии. К 1848 году статному и красивому Гервегу приглянулась жена русского революционера-изгнанника.

Герцен и внимания-то особого не придавал участвующим визитам немца в его дом, полагая, что причиной этих посещений служит интерес поэта к его персоне, и поэтом с охотой принимал Гервега и повествовал ему о перипетиях своей жизни. Тем страшнее было прозрение Александра Ивановича. Несмотря на стремление Герцена оправдать свою супругу в мемуарах «Былое и думы», их читатель понимает, что в основе измены жены революционера лежала обыкновенная похоть.

Однако потери Герцена на этом не закончились. При кораблекрушении у Гиерских островов осенью 1851 года погибли его мать и сын Коля. Неизвестно, однако, каким было отношение Герцена к своей матери, о которой в «Былом и думам» он почти ничего не говорит даже в главах, посвященных детским годам. Несомненно, судя по тому, что мы знаем о Луизе Ивановне, она была доброй женщиной, и сын любил ее. Одно очевидно: от революционных устремлений сына, от этой самой главной для него стороны жизни она была далека. В сущности, истинной духовной матерью для Герцена была Екатерина Ивановна Пассек – мать Вадима и Дмитрия Пассеков – с ее пониманием и сочувствием. Не случайно

в «Былом и думях» разговор с нею предшествует аресту Герцена в 1834 году. Именно она благословляет Герцена на трудный путь. «Вы... и ваши друзья, вы идете верной дорогой к гибели. Погубите Вадю, себя и всех; я ведь вас люблю как сына». «Я молчал, – пишет Герцен. – Она взяла мою руку и, стараясь улыбнуться, прибавила: – ...Я все понимаю, идите вашей дорогой, для вас нет другой, а если б была, вы все были бы не те...

Бедная мать! Святая, великая женщина!» [2; 153–154].

Широко известно, что детство будущего революционера было омрачено его происхождением бастарда. Фамилия Герцен (от немецкого «das Herz» – сердце) пришла в голову его отцу Ивану Алексеевичу Яковлеву, богатому барину с привычками «екатерининского» XVIII века, как намек на «сердечную» привязанность к своей любовнице – 16-летней немке Генриетте-Вильгельмине-Луизе Гаг. Эту дочь мелкого чиновника, делопроизводителя в казенной палате в Штутгарте, Яковлев вывез из Германии в Россию. Здесь ее стали звать Луиза Ивановна.

Цели данной работы не требуют подробного освещения всего жизненного и творческого пути революционера, «разбуженного декабристами», по выражению В.И. Ленина. Поэтому здесь будут упомянуты лишь те эпизоды для Герцена события его жизни, которые повлияли на выработку его мировоззрения, философских взглядов, базирующейся на них концепции исторического развития и философско-антропологических воззрений.

Кратко описанная в начале статьи «семейная драма» Герцена оказала, к примеру, на него очень большое влияние. Все это, да еще в придачу и поражение революции в Европе, послужило причиной духовного кризиса. В конце концов, Герцен разочаровался в революционном сообществе, в западной демократии и в гегельянской философии истории. У изгнанника обострилось чувство одиночества. Поселившись в столице Британской империи, Герцен, дыша туманами Лондона, заново переживает события последних лет своей жизни. Возникает непреодолимое («френическое», как писал Герцен) желание написать «мемуар о своем деле». В своей трагедии он усматривает черты, связывающие ее с широким кругом фактов общего ха-

рактера, с типологическими явлениями жизни, с непознанными закономерностями человеческих судеб. Так родился замысел очень ценных для любого историка и философа мемуаров «Былое и думы» – полных в большинстве своем точных свидетельств о жизни, воззрениях и борьбе людей, окружавших Герцена на протяжении всей его недолгой, но многотрудной жизни. Герцен о своих мемуарах писал следующее: «Былое и думы» не историческая монография, а отражение истории в человеке, *случайно* попавшемся на ее дороге» [2; 544]. Но душевный мир этого «случайного» человека оказался столь обширен и таким всеобъемлющим, что в его глубинах свободно отражались и философски осмысливались громады исторических событий.

В 1833 году Герцен окончил физико-математическое отделение Московского университета, дававшего разностороннее европейское образование и выпускавшего в жизнь широко образованных людей, способных приносить пользу России практически на любом поприще. Однако уже в июле 1834 года Герцен за участие в университетском кружке революционного направления был арестован и выслан (Пермь, Вятка, Владимир). Но царские учреждения, занимавшиеся в ту пору «проштрафившимися» интеллектуалами, были, в отличие от позднейших советских «органов», более гуманны, поэтому Герцен уже в начале 1840 года вернулся в Белокаменную, а в мае переехал в «град Петра». В 1841 году за резкий отзыв в частном письме о полиции Герцен был удален в Новгород. В 1842 году он вернулся в Москву, активно участвовал в идейно-философской борьбе, сотрудничал в «Отечественных записках». Еще в 1840 году В.Г. Белинский напечатал там две тетради воспоминаний 24-летнего Герцена, названных «Записки одного молодого человека». Через 15 лет, уже в Лондоне, перебирая в Британском музее русские журналы, Герцен наткнется на свои записки и перечитает юношеские строки.

«Я играл еще тогда жизнью и самым счастливым, как будто ему и конца не было, – напишет Герцен в предисловии к своим мемуарам. – Тон этих «Записок» до того резок, что я не могу ничего взять из них; они принадлежат молодому времени, они должны остаться сами по себе. Их утреннее освещение нейдет к моему вечернему труду, в них много истинного, но также много и шалости; сверх того, на них остался очевидный для

меня след Гейне, которого я с увлечением читал в Вятке. На «Былом и думах» видны следы *жизни* и больше никаких следов не видать» [2; 24–25].

Вот так порой зрелость встречается с молодостью, и встречи эти по большей части овеяны тихим покровом грусти.

Именно в Москве Герцен принимает участие в жарких спорах с приверженцами теории «официальной народности», пущенной в свет с легкой руки графа Уварова. С той поры Герцен глубоко заинтересовался философией истории. Он считал, что в истории общества происходит постоянная борьба между «консервативностью» и «вечным движением и обновлением». Это обновление вызвано тем, что в обществе господствует «неудовлетворительность существующего, искание формы, более соответствующей степени развития разума» [5; III; 206]. Исторический прогресс, как и развитие в природе, идет не прямолинейно, а путем последовательного развития различных форм общественной жизни, в которых порой трудно увидеть какую-либо логику. В философии истории Герцен был сторонником алогизма исторических событий. Вообще, историософская тема – основная в русской мысли XIX века. Самостоятельная русская мысль прежде всего задумалась над столь теперь привычным вопросом: в чем задача России, в чем особенность ее исторического пути, Восток она или Запад?

Русскую мысль и русское творчество пробудило дело Петра. Герцен как-то сказал, что на реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина. Но этот «ответ» включал в себя и явление как западной, так и славянофильской мысли. Вся русская мысль XIX века, занятая общими вопросами мирозерцания, была ли она западной или славянофильской, мучительно решала проблему – должна ли Россия быть Западом или Востоком. Нужно ли быть верным делу императора, «железной волею» которого была преображена Россия, или следует вернуться к московской, допетровской Руси. Вопрос стоял так: Российская империя или Святая Русь?

Размышляя в разговоре с Огаревым о будущем России и судьбоносных для страны проблемах, Герцен сказал: «Мы (славянофилы и западники – П.Г.) подобны двуликому Янусу, у нас одна любовь к России, но не одинаковая». По крайне точному, афористичному определе-

нию Н.А. Бердяева, «для одних Россия была, прежде всего, мать, для других – дитя» [1; 26]. Действительно, западники и славянофилы 30-х и 40-х годов принадлежали к одному кругу, «ломали копыя» в одних и тех же салонах, видевших словесные сражения Герцена и Хомякова. Ни славянофилы, ни западники по-настоящему не понимали и не знали народ, но были твердо уверены в исключительной правоте своих взглядов на судьбы России. Прошедшие два столетия мало что изменили в позиции родимой интеллигенции, которая по-настоящему так и не узнала проблем народа, его чаяний и стремлений.

Образованные русские люди XIX столетия искренно, каждый по-своему, желали счастья и благополучия своей стране, но со временем пути славянофилов и западников окончательно разошлись. Виссарион Белинский до того разругался со своим другом Константином Аксаковым, что не хотел вообще его больше видеть и поливал бывшего товарища грязью на страницах своих статей. Впрочем, подтачивавший «неистового Виссариона» туберкулез не мог не сказаться на его умственных и душевных качествах: неизбежно, как следствие тяжелой болезни, всегдашняя озлобленность критика переросла в глобальную ненависть к окружающему миру.

Герцен понял, что консервативное обращение славянофилов к далекому прошлому было лишь утопией совершенного общественного строя, совершенной жизни. Однако таким же было и обращение западников к Западу, который они плохо знали. Обратимся вновь к Н.А. Бердяеву, который писал следующее: «Западники часто бывают просветителями, цивилизаторами и это наименее интересный тип. Более интересен тип западника, подвергший переработке западные, по преимуществу французские, социальные учения. Если в России тоталитарно, целостно и максималистически воспринималось гегелианство и шелленгианство, то столь же тоталитарно, целостно и максималистически воспринимались сенсимонизм и фурьеризм» [1; 27]. Действительно, весь XIX век к социальным идеям в России испытывали огромную симпатию. Как верно заметил все тот же Н. Бердяев, «все подготовляло у нас увлечение коммунизмом».

Судьба Герцена представляет огромный интерес и с точки зрения истории русского самосоз-

нения, русской социальной и русской национальной идеи. В истории предшествующей нам величайшей русской культуры при всем ее богатстве и многосторонности можно вычлениить две магистральные линии духовного развития, которые на своей национальной почве и в своем своеобразном преломлении продолжают то, что Ленин видел вообще в истории европейской мысли. Обобщенно говоря, это идея революционная и идея религиозная. В советское время мы воспитывались только на первой. Вехами революционной идеи являются: Радищев – декабристы – западники (революционеры-демократы) – русские марксисты.

Судьба второй линии более трагична. В советское время она либо замалчивалась, либо в ученых трактатах о ней писали так, что лучше бы уж вообще ничего не писали. А ренессанс православия после уничтожения СССР привел к другой крайности: некритической и апологетической оценке этих духовных интенций. А ведь вехи религиозной идеи это: Чаадаев – славянофилы – Владимир Соловьев – неославянофилы – «богоискатели». Это – история русской философской мысли, ее кладезь. Став Председателем Совета народных комиссаров и вождем громадного государства, Ленин первым делом изгнал из страны религиозных мыслителей – «богоискателей», считая их, как и многое другое, культурой «второго сорта». Плоды этой деятельности явственно видны в наше сложное, несчастное и бездуховное время. Между тем тесное взаимодействие и диалектическая борьба материализма с идеализмом в области общественно-философской мысли и реализма с неореализмом в области литературы и искусства – нормальное, естественное состояние всякой спонтанно развивающейся культуры. Это как бы взаимодействие ее обоих «полушарий».

Герцен считал задачу восстановления «живой связи между обоими лагерями» – западниками и славянофилами – «великим вопросом». Спор между ними глубочайшим образом захватил всех крупнейших деятелей отечественной культуры, потому что это был поиск будущего России через понимание ее сущности и специфики, которые следует искать в ее прошлом.

Так, в самих истоках русской истории – призывании варягов Рюрика, Синеуса и Трувора на княжение у ильменских славян – видели сокровенное свойство славянской «женственнос-

ти» природы. Это делали, с одной стороны, А.И. Герцен, а с другой – Владимир Соловьев или, например, Н. Бердяев, который даже написал работу «О вечно женственном в русской душе», используя в этом заглавии известную фразу Гете из второй части «Фауста».

Но выводы из этого наблюдения делались абсолютно противоположные. Соловьев, считавший призывание варягов первым из двух главных актов «национального самоотречения» (второй – реформы Петра I), призывал к третьему великому акту – «духовному освобождению России». Бердяев, бывший марксист, незадолго до Октября прямо призывал к отречению от революции.

Идея революционная дала прямо противоположный ответ: от Чернышевского, звавшего Русь «к топору», жаждущего кровавой бойни, до Ленина, четко указавшего, «что делать» и устроившего в великой стране эту самую бойню. К чести А.И. Герцена, он никогда не призывал русских людей уничтожить свою собственную страну. За это Чернышевский, этот еще один «неистовый туберкулезник», презирал Александра Ивановича как мягкого идеалиста 40-х годов, однако втайне завидовал хотя и незаконнорожденному, но все же – дворянину Герцену.

Если попытаться сформулировать те основные философские проблемы, которые волновали Герцена, то среди них главной темой будет единство бытия и мышления, жизни и идеала. Герцен стремился найти и сформулировать метод познания, адекватный действительности и являющийся единством опыта и умозрения, «эмпирий» и «спекуляций». Герцен часто совмещал и увязывал философские раздумья с частными, порой сугубо житейскими делами. Скажем, он писал Прудону 26 декабря 1851 г.: «За время, прошедшее после личного несчастья, потерпел крушение целый мир», а затем он перешел к философским размышлениям о ходе истории [5; XXIV; 216–217]. В области философии истории в центре его внимания – проблема общественного закона, который мыслился Герцену как сочетание стихийного хода истории (бессознательной жизни народов) и сознательной деятельности индивидов (развития науки). В социально-политической области лозунг единства теории и практики вел Герцена к борьбе за просвещение народа, подготавливающее его к соци-

алистическому перевороту. Вот эта многосложная, но внутренне связанная проблематика поразному выступает на различных этапах идейного развития революционера.

Несколько слов необходимо сказать о ранних философских произведениях Герцена, написанных до его отъезда за границу. В 1832 году из-под его пера вышло сочинение «О месте человека в природе», в котором был явственно виден интерес к вопросам естествознания (все-таки сказывалось образование!) и к современным ему философским и социальным учениям (Шеллинга, Кузена, Сен-Симона). В этом и других трудах Герцена обнаруживается тенденция к осмыслению единства природы – человека, материи и сознания, эмпирического опыта и рационального мышления.

В 1842–1843 годах появился цикл статей Герцена, озаглавленный «Дилетантизм в науке». В них он трактует диалектику Гегеля как «алгебру революции», пытается обосновать закономерность движения человечества к обществу, лишенному антагонизмов. Как считает Герцен, это царство разума, светлый грядущий мир, воплотит в себе и осуществит рациональные моменты предшествовавшего человеческого развития, «доистории»: реалистическое почитание природы, присутствие античному миру, и принципы суверенности личности, свободы духа, развитые в первые века христианства. Такое будущее Герцен отождествлял с социалистическим идеалом.

Формой движения к новому миру было, по Герцену, соединение философии с жизнью, науки с массами. Когда дух и материя таким образом сольются, начнется пора «сознательного деяния». Само понятие «деяние» у Герцена служит характеристикой сущности человека, личности, возвышающейся как над неосмысленным существованием, так и над бесстрастным занятием наукой, свойственным «цеховым ученым».

Работая над произведением «Былое и думы», Герцен, сидя в своем лондонском доме, вспомнил, как в 1845 году он взялся за написание «Писем об изучении природы». Теперь, по прошествии времени, он оценит его как свой основной философский труд. В нем Герцен развил идеи единства противоположностей преимущественно в методологическом аспекте. Пожалуй, основной идеей этого произведения является настоятельная необходимость ликвидации противоречия, антагонизма между естествознанием и

философией, или, по словам самого Герцена, между «эмпирией» и «идеализмом».

В «Письмах» Герцен переходит от гегелианства к Фейербаху. Хотя, ратуя за преодоление созерцательности старого метафизического материализма и научного принципа в переосмыслении активности познания диалектического мышления, развитых в идеалистической, спекулятивной форме Гегелем, Герцен называл «подвигом» разработку великим немцем «методы» науки и призывал ученых-эмпириков воспользоваться ею.

Одновременно, вопреки Гегелю, Герцен стремился представить природу первичным живым процессом, «бродящим веществом», а диалектику познания, логику – ее продолжением и отражением, провозгласив природу «родословной мышления». Впоследствии некоторые марксистские историки философии ставили Герцену в вину то, что он не смог до конца решить задачу материалистического переосмысления диалектики Гегеля.

Ленин написал по этому поводу: «...пойдя дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом, Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом» [6; 21; 256]. Так вождь российского пролетариата оценил философское творчество Герцена – однозначно и, как всегда у Ленина, без возможности нескольких толкований. Вообще, отношение Ленина к Герцену было гораздо сложнее, чем может показаться, ознакомившись со статьей вождя «Памяти Герцена». Однако это тема для особых размышлений, и здесь мы не будем касаться этого вопроса.

В 1847 году Герцен с семьей уезжает за границу. Думал ли он, оглядываясь на пограничный шлагбаум, медленно опускавшийся за его экипажем, что на Родину он больше не вернется, что обреч себя и своих детей на жизнь скитальцев, изгнанников, лишенных возможности умереть на земле предков? Неизвестно. Герцен стремился к новым впечатлениям; Россия казалась ему тогда слишком душной и неудобной. Это и предопределило его дальнейшую судьбу.

Герцен был одним из первых русских эмигрантов. Он попал на Запад в атмосферу революции 1848 года, увлекшей его сначала безоговорочно. На июльские события во Франции Герцен (и не только он) возлагал большие надежды,

но они, как известно, не оправдались. Русскому Агасферу пришлось круто разочароваться в последствиях революции, вообще в Западе и в образе жизни его людей.

Революцию 1848 года Герцен оценил как неудавшуюся битву за социализм. В этой оценке видно стремление Герцена подверстать события истории под определенную, четкую и логическую схему. Поражение революции привело русского революционера к необходимости пересмотра некоторых основных философских концепций 40-х годов, в частности – к отказу от идеи разумности истории, неодолимости прогресса человечества.

Герцен в своей работе «С того берега», написанной в 1847–1850 годах, высказал очень много верных критических замечаний в адрес разного рода социальных утопий и романтических иллюзий. Герцен разочаровался в Западе, разочарование это было чисто русским, как чисто русским – безоговорочным – было и увлечение им. После него многим русским революционерам суждено было испытать аналогичное разочарование. Хотя сам Герцен находит много положительного за границей. Например, в сильной парламентскими традициями Англии его поразила та «уверенность, которую чувствует каждый бедняк, затворяя за собой дверь своей темной, холодной, сырой конуры». Герцен размышляет: «Кончено, за этими строго наблюдаемыми и ревниво отстаиваемыми правами иногда прячется преступник, – пускай себе. Гораздо лучше, чтобы ловкий вор остался без наказания, нежели чтоб каждый честный человек дрожал, как вор, у себя в комнате» [3; 29].

Герцен был тяжело ранен мещанством Запады. Этот мещанский, мелкобуржуазный дух русский мыслитель и революционер увидел даже в ранее высоко им чтимых социалистах. Герцен одним из первых увидел возможность социалистической буржуазности. Так образ рыцаря-революционера сменился образом мещанина-лавочника.

Вообще, обличение буржуазности Запады – исконно русский мотив. Это выражали в несколько других терминах и славянофилы. Реакционер Константин Леонтьев будет так же восставать против мещанства Запады, как и революционер Герцен. В своей критике западноевропейской цивилизации Герцен постепенно становится разумным скептиком, ставя под сомнение способность

человеческого сознания верно отразить и предвидеть направление исторического движения. Таким образом, в отличие от других представителей левого лагеря, Герцен не был сторонником оптимистической теории прогресса. Наоборот, он защищал «пессимистическую», так сказать, философию истории, ибо он не верил в разумность и благость исторического процесса, идущего к осуществлению верховного блага.

Это оригинально и интересно у Герцена. Верховной ценностью он признает человеческую личность, которая раздавлена историческим прогрессом. Таким образом, он кладет фундамент здания своеобразного русского индивидуалистического социализма, которое в 70-е годы XIX века будет достраивать Н. Михайловский. Индивидуализм социалистический противоположен здесь индивидуализму буржуазному. Герцен не видит сил, которые в Западной Европе могли бы противостоять царству мещанства. Западноевропейский рабочий – сам мещанин и от мещанства избавиться никого не может. К такому выводу, подтолкнувшему его на новые размышления, пришел Герцен. Отметим, что во время написания произведения «Былое и думы» у Герцена сложилась концепция личной ответственности человека, положенная им в основу своих взглядов на историческую действительность. Человек зависит от современной ему действительности, но в то же время способен активно воздействовать на нее, «рассматривает историю как свое свободное и необходимое дело» [5; XX; 442]. Поэтому жизненная позиция может быть судима, и Герцен широко пользуется этим правом: он сам никогда не бывает бесстрастным.

Однако люди исторически активны далеко не в одинаковой мере, и Герцен в зависимости от степени это меры вводит деление людей на «оригиналов» и «деятелей» («исторических людей»). Так, говоря о «людях XVIII века в России» – своем отце, князе Юсупове и им подобных и сопоставляя их с деятелями того же века на Западе, подготовившими революцию 1789 года, Герцен называет последних «историческими людьми», а отца и Юсупова лишь «людьми оригинальными». При этом, по Герцену, можно быть свидетелем и даже участником важных событий, и все же оставаться от них в стороне. Примером такого «стороннего отношения» к истории служит судьба дяди Герцена, описанная его племянником в «Былом и думах».

Посланник при вестфальском короле Иерониме Бонапарте, Л.А. Яковлев «был налицо при всех огромных происшествиях последнего времени, но как-то странно, не так, как следует» [2; 39].

Герцен относится к «оригиналам» не без понимания и сочувствия, но не они вызывают его уважение и восхищение. Подлинно «великими деятелями» [5; XXVI; 312] выступают во многих статьях, а особенно в «Былом и думах», профессор Тимофей Грановский и критик Виссарион Белинский. В оценке последнего Герцен, на наш взгляд, допустил ошибку, одарив вечно злобствующего критика столь громкими эпитетами. Вообще, к моменту создания произведения «Былое и думы» истинным героем Герцена окончательно становится человек действующий, активный. Но еще в 40-е годы он писал: «...Истинные представители эпохи – не арифметическое большинство, не золотая посредственность, а те, которые достигли полного развития, энергетические и сильные деятельностью» [5; XI; 163]. При этом ценность личности заключается прежде всего в ее связях с передовыми идеями и тенденциями времени, в гармоничном сочетании «частного» и «общего». «Человек должен развиваться в мир всеобщего», – утверждает Герцен» [5; XI; 68], но при этом должен сохранить и свою внутреннюю жизнь, способность к любви, дружбе, словом, ко всем тем радостным, а подчас и трагическим переживаниям, которые уготованы ему судьбой.

В 1849 году Герцен переезжает в Женеву, где участвует в выпуске газеты Прудона «Голос народа». В «Былом и думах» можно отыскать множество философских, исторических, литературных реминисценций. Скрытые и явные цитаты, парафразы, афоризмы делают книгу необычайно емкой, углубляя и расширяя ее содержание. Личности Прудона Герцен касается в своеобразном аспекте, приводя воображаемый диалог его с Каином в Главе 41 пятой части. Это ни в коем случае не библейский Каин, совершивший первое в истории человечества убийство. Здесь комментаторы ошибаются. Каин, спорящий с Прудонам, – это герой одноименной мистерии Байрона. Каин в «Былом и думах» слегка измененными словами повторяет вопросы байроновского Каина о смысле человеческой жизни, о том, так ли уж необходимо трудиться, если труд служит не свободе, а порабощению человека.

Мистерия «Каин» была чрезвычайно популярна, ее мятущийся герой олицетворяет сам дух сомнения, является воплощением свободной человеческой личности. Каин был, по выражению Байрона, «первым бунтарем на земле». Неслучайно поэтому Прудон «разговаривает» у Герцена именно с ним. То, что стояло за образом Каина, было понятно внимательным читателям книги Герцена, еще помнившим впечатление, произведенное драмой Байрона.

Герцен, как известно, до конца жизни был лишен физической возможности вернуться в Россию. Но духовно он вернулся на Родину. Как ни ужасен самодержавный режим Николая I, крепостное право, невежество, но именно в России, в русском народе скрыта потенция новой, лучшей, не мещанской, не буржуазной жизни. Так считает Герцен. Он видит эти потенции в русском мужике, в сером мужицком тулупе, в крестьянской общине.

В 1849 году Герцен пишет труд «Россия», в котором реальный зародыш социалистического будущего он усматривает именно в общине. В русском крестьянском мире скрыта возможность гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности. «Человек будущего в России – мужик, точно так же, как во Франции работник» [5; VII; 326]. Герцен был гуманист-скептик, ему были чужды религиозные верования. Вера в русский народ, в правду, заключенную в мужике, есть для него последний якорь спасения.

Таким образом, Герцен делается одним из основоположников народничества, весьма своеобразного русского явления. В лице Герцена русское западничество сблизилось с некоторыми чертами славянофильства. В западническом лагере произошел раскол на народников-социалистов и либералов. Герцен и народники-социалисты верили в особые пути России, в ее призвание осуществить лучше и раньше социальную правду, верили в возможность для России избежать ужасов капитализма. Западники-либералы думали, что Россия должна идти тем же путем, что и Западная Европа. Народники вообще отрицательно относились к политике, думая, что политика толкнет Россию по банальному западному пути развития; они признавали примат социального над политическим. И это – характерно русский мотив.

Герцен, Бакунин, даже такие революционеры, как Петр Ткачев и маньяк-убийца Сергей Не-

чаев в каком-то смысле ближе к русской идее, чем западники, просветители и либералы. «Воинствующий атеизм русских революционных социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой» [1; 30], – писал Н.А. Бердяев. Но ход истории неумолим. События 60-х годов все более убеждали Герцена, что и Россия заражается «буржуазной оспой».

Цели данной статьи не требуют анализа деятельности Герцена-журналиста. Отметим лишь, что к эмигранту Герцену прислушивалась высшая власть. Он не без удовольствия констатирует: «Во дворце «Колокол» получил свое гражданство» [3; 243]. Разумеется, на страницах издаваемых революционером с 1855 года альманаха «Полярная звезда» и газеты «Колокол», выходявшей с 1857 по 1867 год, можно очень часто встретить размышления Герцена о будущем и настоящем России, о судьбе, уготованной нашей великой и несчастной Родине. Герцен, обозревая историю революционных идей в России на страницах своих печатных изданий, начал со специфики национального характера, с того же «призвания варягов». Но вот какое объяснение получила у него эта специфика: «Славянской натуре как будто недостает чего-то, чтобы самой пробудиться, она как бы ждет толчка извне. Для нее всегда труден первый шаг, но малейший толчок приводит в движение силу, способную к необыкновенному развитию. Роль норманнов подобна той, какую позже сыграл Петр Великий при помощи западной цивилизации» [4; 19].

Согласно этой логике воззрений на сущность русского национального характера, Россию ожидает соответствующая ее сущности (основным вехам ее истории) будущность: «Времена Петра, великого царя, прошли; Петра, великого человека, уже нет в Зимнем дворце, он в нас... Любого день может опрокинуть ветхое социальное здание Европы и увлечь Россию в бурный поток огромной революции» [4; 112].

Деятельность Герцена по распространению в России вольного слова была поистине титанической. Думается, что именно благодаря этому неустанному благородному труду Герцен остался в памяти тысяч русских людей, благодарных ему за Правду. Герцену принадлежат такие слова: «Казнить верования не так легко, как кажется, трудно расставаться с мыслями, ко-

торые нас лелеяли, утешали, – пожертвовать ими кажется неблагодарностью. В том-то и дело, чтобы отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно» [5; VI; 46]. Под конец жизни революционер осознал многие свои заблуждения и имел мужество отречься от них. Эти слова Герцена обращены и к нам, русским людям начала XXI столетия, пережившим увлечение как казарменным марксизмом, так и мишурными демократическими идеями. Подлинный марксизм оказался намного сложнее и богаче, чем марксизм-ленинизм, а западные демократические ценности оказались отравленной приманкой, которая погубила великое русское государство.

Герцен как бы призывает нас, сегодняшних русских, отречься от идеологических догм и постараться видеть жизнь во всей ее красоте и многообразии, а не через решетки-схемы из трудов основоположников марксизма или листовые страницы толерантных и политкорректных журналов, отравленных гнилой ложью Запада.

И еще. Герцен, анализируя и подводя итог взаимоотношений «поэта и царя» в России, резюмировал их в 1851 г. в том смысле, что история русской мысли – это или «мартиролог или реестр каторги» [5; VII; 208]. Через десятки лет Ленин в своих конспектах (так называемых «Философских тетрадах») выписал для себя этот герценовский вердикт. Зачем он это сделал – неизвестно. Известно лишь, что инакомыслящих правительство народных комиссаров подавляло с гораздо большим усердием, чем царское правительство. Впрочем, и в современной России, постепенно заражающейся безумием политкорректности, талантливому человеку живется несладко.

Незадолго до смерти, последовавшей 9 января 1870 года в Париже, Герцен пишет в 1869 году «Письма к старому товарищу». Адресат этих писем – Михаил Бакунин. Герцен со всем присутствующим ему талантом публициста выступает против призывов к уничтожению государства, немедленному социальному перевороту, высмеивает требования «не учить народ, а бунтовать его». Герцен, в отличие от Бакунина, прекрасно понимал, к чему приведет Россию кровавый шабаш преждевременной революции. Нельзя звать массы к такому социальному перевороту, потому что насилием и террором, полагал Герцен, можно только расчищать место для будущего, но не создавать новое.

Для социального созидания необходимы «идеи строящие», нужна сила, нужно народное сознание. «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» [4; XX; книга 2; 590], – вот завещание Герцена-мыслителя. Это завещание великого русского борца за волю народа было проигнорировано последующими поколениями революционеров. Философские воззрения Герцена были забыты на долгие годы или до крайности извращены, хотя мыслитель совместил в них лучшие взгляды западников и славянофилов. Он не только представил в своих трудах талантливый синтез идей своих современников, но и выдвинул ряд оригинальных гипотез. В философском творчестве Герцена прослеживается влияние взглядов таких великих мыслителей, как Гете, Гегель, Фейербах, Прудон, Сен-Симон, Фурье.

Хотя идеи мыслителя оказали большое воздействие на развитие русской философской, общественно-политической и эстетичес-

кой мысли, Герцен представал в монографиях и учебниках «прилизанным» до невозможности. Между тем его взгляды не поддаются четкому доктринальному определению. Герцена нельзя назвать лишь радикальным западником, или определить его взгляды как чисто материалистические. В памяти многих советских людей Герцен – человек, так и не дошедший в своем развитии до марксизма, до его философии. В философии истории Герцен был сторонником алогизма исторических событий. Это и ставилось ему в вину. Но необходимо понять, что страстная и честная натура Герцена не могла принять философии догматизма, близкой к средневековой схоластике своей пугающей законченностью и школярской готовностью ответить на любой вопрос. А этого Герцен не мог вытерпеть и боролся с догматическими тенденциями в науке и философии на протяжении всей своей творческой жизни. В этом его огромная заслуга как ученого и философа.

6.02.2012

Список литературы:

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
2. Герцен, А.И. Былое и думы. Ч. 1–5. – М., 1969 (Библиотека всемирной литературы. Т. 73).
3. Герцен, А.И. Былое и думы. Ч. 6–8. – М., 1969 (Библиотека всемирной литературы. Т. 74).
4. Герцен, А.И. О развитии революционных идей в России. – М., 1953.
5. Герцен, А.И. Собрание сочинений в 30 томах. – М., 1954–1965.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений.

Сведения об авторе:

Горохов Павел Александрович, заведующий кафедрой социальной философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 101.3

Gorokhov P.A.

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

ON PHILOSOPHICAL VIEWS OF ALEXANDER HERZEN

The article deals with the philosophical foundations of world view of A.I. Herzen (1812-1870), the largest Russian thinker, writer and leader of the liberation movement. The author revised figures of the previous one-sided assessment of Herzen as a typical Westerner. In the name of Herzen Russian Westernism became friendly with some of the characteristics of Slavophilism and in his philosophy of history he was a supporter of alogism of history.

Key words: philosophy of nature, philosophy of history, worldview, Slavophiles, Westerners, populism.

Bibliography:

1. Berdyayev, N.A. The Origin of Russian Communism. – Moscow, 1990.
2. Herzen, A.I. My Past and Thoughts. P. 1–5. – Moscow, 1969 (Library of World Literature. Vol. 73).
3. Herzen, A.I. My Past and Thoughts. P. 6–8. – Moscow, 1969 (Library of World Literature. Vol. 74).
4. Herzen, A.I. On the development of revolutionary ideas in Russia. – Moscow, 1953.
5. Herzen, A.I. Works in 30 volumes. – Moscow, 1954–1965.
6. Lenin, V.I. Complete Works.